**Начало Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г.) и блокады
Ленинграда (8 сентября 1941 г.)**

- **Дневник Сергея Васильевича Хомко о первых днях Великой Отечественной войны.**

<https://www.prlib.ru/item/1287558>

Сергей Васильевич Хомко (1912 г. р.) – ветеран Великой Отечественной войны. Призван на фронт 25 июня 1941 г. из Ленинграда. Награждён орденом Отечественной войны II степени (1985). В рукописном дневнике отражены события с 25 июня в Ленинграде по 11 июля 1941 года на линии фронта в Псковской области.

25 июня 1941 г.:

«Несколько дней тому назад радио пустило быстрокрылое слово «Война»! Начинаясь дачный сезон. Сезон отпусков, курортов. Одно это слово – и все рушилось. В ином направлении пошли мысли, а за ними и дела. Началась мобилизация, над городом подняли первые аэростаты заграждений. Прошли первые короткие, как весенние грозы, воздушные тревоги. Неприятное чувство тоски защемило сердце. Вот, наконец, и мой черед, 25-го по повестке вызвали в райвоенкомат на р. Мойку в бывший дом учителя».

- **Жизнь в оккупации и в первые послевоенные годы: Пушкин. Гатчина. Эстония: дневник Люси Хордикайнен (1928 г. р.)**

<https://www.prlib.ru/item/332433>

18 июля 1941 г.:

«22 июня был яркий солнечный день; было жарко, по небу клочьями были разбросаны облака. Мы были в саду. Вдруг на балкон быстро выходит бабушка Дуня и говорит, чтобы мы слушали радио. По радио выступал Молотов. Он говорил, что утром немцы напали на СССР и захватили несколько городов. <...> Вечером мы пошли смотреть на шедшие танки. Ребята стояли, махали красноармейцам и кидали сирень».

- **Дневник Ольги Владимировны Дорониной: Ленинград, 1941–1944 гг.**

<https://www.prlib.ru/item/1289013>

Ольга Владимировна Досенко (урожд. Доронина, 1925 г. р.) – участник Великой Отечественной войны, ефрейтор, житель блокадного Ленинграда. Проживала по адресу: Владимирский пр. 1/47, кв. 37. С мая 1942 года по август 1945 года служила в частях и формированиях МПВО г. Ленинграда. В дни блокады вела

дневник. Награждена медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За оборону Ленинграда».

22 июня 1944 г., г. Ленинград:

«У калитки разошлись. Мы пошли домой. Переоделись, умылись. Идём обедать с хорошим настроением. Да! Как всё быстро меняется. Вдруг слышим: „Германия бомбардировала Киев и др. города. Значит война, в 4 ч. утра перешли границу“. Началась война. Сразу лица у всех стали серьезные. Пришли в столовую. Рядом с нашим столом сидели трое мужчин и две женщины. Вдруг один из них встал, бледный, и вышел. Я спросила у женщины: „Что, его вызвали?“ Она мне ответила „Да! По первому зову!“ Я не могла стерпеть и заплакала, закрыв лицо руками. Когда я открыла лицо, то увидела на глазах слезы у многих».

• **Дневник Игоря Константиновича Малахова. Тетрадь 1-я. 1941–1942 гг.**

Игорь Константинович Малахов (1927 г. р.) на момент ведения дневника был учеником выпускного класса; летом 1942 г. устроился работать учеником монтера на ремонтный завод АТУЛ, на котором в том числе ремонтировали городские автобусы; 29 августа 1942 г. вместе с матерью эвакуирован из Ленинграда.

22 июня 1941 г., г. Ленинград:

«Выйдя на улицу, мы сразу уловили что-то необычное: прохожие торопились, толпы у молчащих репродукторов, очереди у магазинов. Оказалось, что пятнадцать минут тому назад окончилось выступление по радио т. Молотова, заявившего о неожиданном нападении гитлеровской Германии на СССР. Сразу всё стало ясно! Скорее домой: надо узнать подробности о речи Молотова. <...> В 23 часа передавали указы Президиума Верховного Совета о мобилизации, военном положении. Сразу как-то отчетливее почувствовалась опасность, нависшая над страной. В 24 часа под звуки Интернационала мы легли спать. Закончился день, полный волнений. ОНО началось. Я стал свидетелем, пока не участником, великих исторических событий. Что будет!»

8 сентября 1941 г.:

«Немцы бомбардировали город. Вскоре показались клубы дыма и зарево по направлению к Обводному каналу. Я побежал в школу. Там всё спокойно. Я вышел на крышу. Огромное пламя было видно на Обводном. Горели Бадаевские склады. В этот день я впервые почувствовал, что фронт близок к городу».

Сентябрь 1941 г.:

«„Враг у ворот Ленинграда. Все силы на защиту родного города“ – опубликовано обращение т. Ворошилова, Жданова и Попкова. Впервые говорят о непосредственной угрозе городу. Но еще не поздно (по слухам, занята Сиверская), и десятки тысяч ленинградцев поднялись на защиту города».

- **Яков Владимирович Духин: Дневник политрука: Тетрадь № 1. 24 июня – 22 августа 1941 года.**

<https://www.prlib.ru/item/1277800>

Яков Владимирович Духин (1920 г. р.), уроженец села Юревичи Полесской области (Белоруссия), жил с семьёй в Ленинграде. До начала Великой Отечественной войны служил в армии в звании старшего политрука. В годы войны служил в 86-й стрелковой дивизии, получил звание капитана. Погиб 10 февраля 1944 г., был захоронен в селе Заруденье Лядского района Ленинградской области (с 22.08.1944 – Псковской области)

24 июня 1941 г., г. Ленинград:

«Итак... война. Я впервые с ней знакомлюсь воочию, раньше только читал о ней. 22 июня была речь Молотова. Слушал вместе с бойцами. Бойцы негодуют бандитским нападением зарвавшегося Гитлера. Рвутся в бой – замечательный народ. Раньше как-то незаметно это было сквозь всякие проступки, которыми они меня часто подводили. Но когда речь пошла о великом деле, они молодцы. „Июньский набор себя покажет“, говорят они. И я в это верю».

7 августа 1941г.:

«Нашел листовку. Пишут: дескать „поглядите на себя, вы плохо одеты, обуты, накормлены, а перед вами первоклассная финская армия, мы вас освободим; а вы и оружия не знаете; кончилась власть Сталина и ГПУ“. Пожалуй, с этой листовкой они достигнут обратного результата у их единомышленников, ибо и они увидят, что это клевета».

- **Надежда Васильевна Федорова (1927 г. р.). Дневник**

«Я окончила 6 классов. И мне было 13 лет. И так началась война. Как мы чувствовали и понимали войну? Да очень непонятным чувством. Чувство страха, неизвестности, неразберихи будоражило всех. А мы, дети, воспринимали всё через взрослых. Всматривались в их глаза, лица, ловили обрывки тревожных разговоров. В пионерском лагере стало очень тревожно. Каждый день мы провожали на фронт вожатых. Нарушился распорядок дня. Стали ходить слухи, что нас будут вывозить на Урал. Очень хотелось домой. Ехать неизвестно куда

очень не хотелось. И мы, несколько человек, решили бежать в Ленинград. Увы, нас вернули, едва мы пришли на вокзал. К моему счастью за мной приехала мама. Она просто выпросила меня у директора. Оказывается, приказ о вывозе детей был. Мы стали пробираться домой». <...>

«Город я не узнала. Это было что-то уже разбитое, с бумажными крестами на стёклах. Аэростаты висели в небе. На улицах военные. Колонны гражданских людей сопровождалась плачем и песнями, криками идущих рядом женщин и детей. Но удивительно, это не было паникой, а было какой-то тревожной сдержанностью, суровостью».

- **Зинаида Аркадьевна Федюшина (1931 г. р.): «Моя блокада: пусть мои воспоминания будут благодарной памятью»**

<https://www.prlib.ru/item/1352979>

Зинаида Аркадьевна Иткина (Федюшина) (1931 г. р.) во время Великой Отечественной войны жила с бабушкой Марией Борисовной Исъяминой в Ленинграде. Мать Зинаиды Аркадьевны в звании лейтенант медицинской службы работала фельдшером в эвакогоспитале № 990. Отец служил старшим техником-лейтенантом в 168-й стрелковой дивизии на Ленинградском фронте. Погиб в феврале 1943 года.

«8 сентября 1941 года мы как обычно собрались во дворе и увидели на небе красно-багровое зарево. Это было удивительное зрелище, и мне кажется, что это небо я помню до сих пор. Мы с Зиной Бодюлиной, моей сверстницей, выбежали на Невский проспект и во все глаза смотрели на этот необычный цвет. Нам казалось, что он захватил все небо от Московского вокзала до Адмиралтейства. Позднее мы узнали, что это было зарево от пожара: немцы разбомбили Бадаевские склады...»

- **Малахов Игорь Константинович (1927 г.р.). Дневник Тетрадь 1-я. 1941-1942 гг.**

8 сентября 1941 г.:

«Немцы бомбардировали город. Вскоре показались клубы дыма и зарево по направлению к Обводному каналу. Я побежал в школу. Там все спокойно. Я вышел на крышу. Огромное пламя было видно на Обводном. Горели Бадаевские склады. В этот день я впервые почувствовал, что фронт близок к городу».

Сентябрь 1941 г.:

«Враг у ворот Ленинграда. Все силы на защиту родного города» – опубликовано обращение т. Ворошилова, Жданова и Попкова. Впервые говорят о непосредственной угрозе городу. Но еще не поздно (по слухам, занята Сиверская), и десятки тысяч ленинградцев поднялись на защиту города».

- **Елизавета Алексеевна Доброва (1930 г. р.). Воспоминания о моей блокаде. 2011**

«Но та, первая бомбардировка, запомнилась навсегда – какой-то жуткий, животный страх, сжавший всё нутро. А главное – неизвестность, – в какую минуту это чудовище угодит именно в тебя!».

- **Дневник Юрия Давыдовича Хазанова (1915 г. р.). 1941–1942 гг.**

Юрий Давыдович Хазанов (1914 г.р.), житель блокадного Ленинграда, не был призван в армию – у него был порок сердца. Очень переживал, что, будучи прикованным к постели, ничем не может помочь стране и фронту. Последние записи дневника датируются началом февраля 1942 г. Юрий Хазанов был эвакуирован из города, но, истощённый и обессиленный, скончался по дороге в Нижний Новгород. Дневник оказался на руках у его друга Якова Пятова. После войны он познакомился с писателем Вениамином Кавериным, который посетовал на то, что не встречает достойных материалов о блокаде Ленинграда. «Я проговорился, что у меня сохранился дневник моего лучшего друга, – рассказывает Яков Пятов. – Он очень просил дать ему дневник на кратчайшее время – на три дня, заверил меня в полной сохранности дневника и в том, что никому не покажет его. И я согласился. <...> Когда я через три дня пришёл к Каверину за дневником, то он очень извинялся за невыполненное обещание – он не удержался и показал дневник Юры своей семье, жене. Сказал, что ничего подобного по искренности и чистоте человеческой души он в жизни не встречал. <...> Как он использовал прочитанное в дневнике, я не знаю».

2 сентября 1941 г.:

«Ночью зарево на горизонте и страшный гул орудий. Невольный страх и ужас закрадываются в душу, но страх не за свою жизнь, нет, я привык к мысли о смерти: имея такую неизлечимую болезнь, трудно не смириться с мыслью о смерти. Страх не увидеть больше никогда родных. Тоска по ним вгрызается в душу, затуманивает глаза слезами...»

3 сентября 1941 г.:

«В ночь на 3 сентября „тревога“, 1,5 часа просидел в коридоре. Сегодня в 11 часов утра опять тревога и вот длится уж два часа, бьют зенитки, гудят самолеты, город словно мёртвый, или вернее он похож на больного, который приготовился к очень тяжёлой и опасной хирургической операции. Настроение подавленное и злое, хочется вгрызаться зубами в горло врагу. Зачем ты пришёл и нарушил нашу мирную жизнь?! Наш город окружён и сношение с внешним миром прервано. Так что когда теперь увижу семью и увижу ли вообще, не знаю...»

12 сентября 1941 г.:

«Каждую ночь город горит и разрушается, каждую ночь бомбы врага летят на этот город, чудо архитектуры, каждую ночь гибнут люди. Люди голодают, люди не спят. Не сплю и голодаю и я... Что же будет? Сегодня я ещё жив. Но завтра меня может и не быть. Ежедневно враг совершает не менее 12 налетов на город. Днём я уже не могу спускаться в бомбоубежище, иду только ночью, потому что ночью творится кошмар. И вот мы сидим бледные, дрожащие, с ужасом, застывшим в глазах, старики, дети, больные. Я ещё должен сказать, что креплюсь, но есть люди, потерявшие самообладание, да и не мудрено...»

Быт блокадного Ленинграда

- **Моя блокада: пусть мои воспоминания будут благодарной памятью / Зинаида Аркадьевна Федюшина**
<https://www.prlib.ru/item/1352979>

«Дров было мало, и бабушка топила буржуйку не каждый день. Дома ходили в верхней одежде. Спали мы тоже в одежде. Бабушка прижималась ко мне и пыталась согреть своим дыханием то шею, то плечо, то спину и постоянно спрашивала: „Тебе не холодно?“ Иногда с фронта приезжал мамин младший брат – капитан инженерных войск. Он привозил сухари и небольшое бревно. Мы укладывали это бревно между дубовым обеденным столом и письменным столом, и вместе с дядей пилили. Бабушка не могла нам помочь. До войны она была красивой дородной женщиной, но зимой она похудела так, что в качестве ватника носила моё старенькое довоенное зимнее пальто».

«Старший брат бабушки, ему было около пятидесяти лет, работал в Ленинграде на обувной фабрике. Изредка, в выходные дни, он приходил к нам. Зима 1941–1942 годов была очень холодной, и бабушка сшила ему наносник – меховую тряпочку для носа. Из-за того, что сильно мёрзли руки и просто не хватало сил,

дядя не мог нести свой дневной паёк в руках, и поэтому у него на пуговице зимнего пальто висела сеточка с хлебом».

- **Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде / Александр Владимирович Циммерманов**

<https://www.prlib.ru/item/1305036>

Александр Владимирович Циммерманов (1931 г. р.) – житель блокадного Ленинграда. Всю блокаду находился в Ленинграде. После смерти родителей в 1942 году воспитывался в семье сестры отца.

«В третьей декаде ноября хлебный паёк был урезан до 125 грамм. <...> Других продуктов почти не получали. <...> Родители, что не выживут, почувствовали с утра 31 декабря, с санками пошли к сестре отца, моей крёстной, и только к вечеру добрались до дома, чтобы оставить меня. Но обратно идти уже не могли. 3 января 1942 г. умерла мама. <...> Вслед за мамой 18 января 1942 г. умер папа, которого удалось захоронить только 26 января. <...> За захоронение в могилу пришлось отдать их хлебные карточки».

- **Дневник Игоря Константиновича Малахова. Тетрадь 1-я. 1941–1942 гг.**

Игорь Константинович Малахов (1927 г. р.) на момент ведения дневника был учеником выпускного класса; летом 1942 г. устроился работать учеником монтажера на ремонтный завод АТУЛ, на котором в том числе ремонтировали городские автобусы; 29 августа 1942 г. вместе с матерью эвакуирован из Ленинграда

О жизни в блокадном Ленинграде в декабре 1941 г.:

«Неплохо по тем временам встретили мы Новый год. Электричество выключили в восемь часов вечера, но мы зажгли коптилки. Мы празднично сервировали стол. Радостно горела буржуйка. Подробностей не помню, к сожалению. Был, кажется, густой рисовый суп из консервов, жареный кролик, по 2 блина на душу, кофе с соевым молоком, повидло, хлеб с маслом и сыром (последнее получили по карточкам), по кусочку шоколада. Выпили немного кагору, помечтали о более счастливых днях и в 10 часов разошлись спать, не дождавшись традиционного боя часов кремлёвской башни. Так встретили мы 1942 год в осаждённом Ленинграде».

«В школе наступили зимние каникулы, и я ходил туда лишь за супом. 7 числа нам в театре им. Пушкина была устроена ёлка... Даже в такие тяжёлые дни город находил возможность заботиться о своих юных гражданах. Мы смотрели

спектакль Музкомедии „ Свадьба в Малиновке“, беседовали с артистом Королькевичем, потом в ресторане „ Метрополь“ нас покормили. День прошел хорошо, весело, мы отвлеклись немного от тяжёлых переживаний».

- **Дневник Юрия Давыдовича Хазанова. 1941–1942 гг.**

9 ноября 1941 г.:

«Как жить дальше? Но нужно жить! Нужно! Всю волю, всю энергию, весь остаток сил, все нужно мобилизовать для этого.<...> Пережить всё. Ведь должен же придти и этому конец. Нам грозит голодная смерть, но, может быть, как-нибудь вытяну. Нам грозит немецкая бомба или снаряд, но, может быть, минует меня этот подарок. Ну что же ещё, ещё раз скажу: терпеть, ждать и надеяться».

18 ноября 1941 г.:

«Голод все ужаснее! Бомбёжки ежедневно и по несколько раз в день. Мелькнула надежда на отлёт из Ленинграда, но и она, кажется, рухнет. Что ж, неужели мне грозит голодная смерть? Вот такого конца я не ожидал, но силы тают, как свеча. Вчера вечером и сегодня утром я был ещё полон радужных надежд, но сейчас все во мне снова опустилось и чёрные мысли опять обступили меня толпой. Почему и эта возможность, правда, очень небольшая, от меня уходит? А как бы я был счастлив. Ну, авось кривая ещё выведет».

8 января 1942 г.:

«Вот уже и 1942, это будет памятная встреча Нового года. На столе была капля вина с водой и пшённая каша, это моя первая пшённая каша с момента начала войны. Это был Лукуллов пир. Пожелали мы друг другу счастья, прослезились и в 8 часов легли спать чтобы не захотеть больше кушать.

И вот с первого числа наступил настоящий голод, нет ничего кроме хлеба и чая без сахара. Люди ходят по улице почти мёртвые. Я распух как колода. Нет сил двигаться. Вчера за весь день съел грамм 250 хлеба и 4 полушки из мяса весом каждая граммов 10. Что-то таинственное творится в Ленинграде, какой-то злой рок повис над горизонтом. Наша семья дошла до точки: ни дров, ни пищи, ни света. Я от голода жую без разбора любые лекарства, корицу, лимонную кислоту и вообще всё, что попадает под руку».

3 февраля 1942 г.:

«Эх! Кабы мне вырваться из этого ада, и кончилась бы эта проклятая бойня, как бы я смог теперь после этого кошмарного урока, как бы я смог хорошо устроить свою жизнь, только бы Бог и судьба дали мне жизнь. Моя мечта Батуми. Забрать маму и на юг, к теплу, морю, фруктам и овощам, к тихой, спокойной и мирной

жизни. А ведь это не миф, а вполне реальные мечты <...> Господи, дай хоть проблеск в моей жизни к лучшему. Ну за что так наказываешь, уж не такой я грешник. <...> Я хочу жить, мне всего 27 лет и я имею право на жизнь. Да! Должен быть поворот. 8 месяцев мучений при моих силах и здравии – это для меня через край».

- **Дневник Валентины Александровны Меллер 1941-1942 гг.**

<https://www.prlib.ru/item/1177924>

Валентина Александровна Меллер (урожд. Лодочкина, 1912 г. р.) пережила блокаду Ленинграда, в период с 1939 по 1945 г. вела дневник, который включает фрагментарные записи, сделанные с июня 1941 по июнь 1942 года

25 декабря 1941 г.:

«Сегодня самый радостный день за период войны. С утра все люди поздравляют друг друга, и всё потому, что с сегодняшнего дня прибавили норму хлеба на рабочую карточку по 100 г, а на все остальные, т. е. детские и иждивенческие, по 75 г. Я получила 100 г хлеба на два дня, так я, пожалуй, за сегодня свою норму и не съела. Конечно, съесть я её могла. Но вполне терпимо смотрю на завернутый пакет, который меня всё же соблазняет, но я думаю, что доживу вполне до завтрашнего обеда, т. к. сегодня я съела 4 дурандовых лепешки и мясную, так что я есть не должна хотеть. Но меня удивляет то обстоятельство, что, сколько ни ешь, а кушать всё хочешь, и я ещё не верю в то, что наступит такой день, когда я буду сыта, но думаю, что скоро всё же наступит. <...> Вся надежда на улучшение продовольствия, на новый 1942 год, вот очистят северную дорогу, и Ленинград получит много продуктов».

- **Елизавета Алексеевна Доброва (1930 г. р.): «Воспоминания о моей блокаде»**

«Ленинградцы-блокадники – это особого сорта люди! В самое трудное время осады города, сами голодные и ослабленные, эти люди помогали друг другу, чем и как могли! Так и нам помогла соседка по нашей лестнице, жившая выше, над нами. Заметив, что мама не выходит, тетя Злата спросила меня о маме. Я ей всё рассказала, и она сразу пришла к нам, посмотрела, в каком состоянии мама, погоревала с нами, а потом сходила домой и принесла целое блюдечко горчицы!!! Это был, поистине, царский подарок! Несколько раз мы ставили круговые горчичники, и это спасло маме жизнь.

В памяти моей с той поры осталось навсегда – если человек в беде, ему надо обязательно помочь, чем и как можешь! В тяжёлое время легче перенести все беды-невзгоды, если чувствуешь, что рядом есть добрый Человек, который с

тобой и готов придти на помощь в трудную минуту. Ленинградцы тех лет и „старое поколение“ истинных блокадников, как пионеры, всегда готовы помочь тому, кто в беде».

- **Надежда Васильевна Фёдорова (1927 г. р.). Дневник**

«А есть всё хочется и с этим ничего не поделаешь. Казалось, что эта мысль съедала всё твоё существо. Помню, как мы с братом нашли сыромятный ремень. Разрезали его на кусочки и долго, долго варили, всё ждали, когда в этом бульоне появятся звёздочки жирка. Пилили стулья, чтобы затопить печурку. На моем большом пальце и до сих пор сохранились зигзаги от пилы. А на одном пальце ножом отрезана макушка. Она приросла не ровно. Уж очень хотелось тоненькими кусочками нарезать хлеб, чтобы было его побольше».

- **«И каждый день войны со мною...»: воспоминания Нины Петровны Полоцкой**

<https://www.prlib.ru/item/1175665>

Нина Петровна Полоцкая (1931 г. р.) – житель блокадного Ленинграда, находилась в городе в период с 8 сентября 1941 года по 4 января 1944 года. Ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда была удостоена государственных наград.

«Смерть измученных холодом, голодом людей наблюдалась повсеместно и была явлением обыденным. К окружающей тебя каждый день смерти привыкли. Слёз уже не было, не осталось, появилось полное равнодушие. Все понимали, что в любой день эта участь могла ожидать любого. Поначалу смерть родных людей переживали очень сильно, отчаянно, но потом люди настолько очерствели, сил реагировать уже не было. Трупы были повсюду. Идя по улице, можно было видеть замёрзших мёртвых людей. Они сидели, прислонившись к стенам домов, или лежали на середине улицы. <...> Однажды по Кондратьевскому, вероятно, на Пискаревку или на Богословское ехали машины с трупами, и их было много. Окоченевшие тела с торчащими в разные стороны руками и ногами. Люди молча, взглядом провожали эти машины».

Переписка жителей блокадного Ленинграда с эвакуированными родственниками и бойцами, защищавшими Ленинград

МАКСИМОВЫ

<https://www.prlib.ru/section/1184719>

Инженер-капитан-лейтенант Константин Матвеевич Максимов (1915 г. р.) в 1939 г. окончил дизельный факультет Высшего военно-морского инженерного училища имени Ф. Э. Дзержинского. В Великую Отечественную войну вступил командиром БЧ-5 одной из наиболее прославленных в годы войны подводных лодок Балтики – «Щ-406». Знавший Константина Максимова писатель Всеволод Азаров в книге «Подводник Осипов» вспоминает его как человека с «цепкой памятью, золотыми руками и храбрым сердцем». По словам писателя, командир боевой части № 5 относился к своей подводной лодке, как к живому существу, и, будучи первоклассным специалистом, получил от товарищей прозвище «машинный бог».

Первый боевой поход «Щ-406», начавшийся 23 июня 1942 г., проходил тяжело. О нём подробно рассказывается в издании Ленинградского высшего военно-морского инженерного училища имени В. И. Ленина «Инженеры-механики флота в Великой Отечественной войне. Сборник боевых эпизодов». Преодолев Гогландскую противолодочную позицию в Нарвском заливе, подлодка всплыла для зарядки аккумуляторной батареи и была атакована немецким самолётом. Одна бомба взорвалась вблизи кормы с левого борта. Из строя вышли электрическое управление вертикальными и горизонтальными рулями, перископы, гирокомпас. Аварийные работы заняли весь день 25 июня. Инженер Максимов вместе с электриками и трюмными принял активное участие в устранении неисправностей. Лодка в это время лежала, затаившись, на дне.

К ночи работы были окончены и «Щ-406» взяла курс на форсирование Нарген-Порккалауддских минных заграждений. На это потребовалось около 18 часов, в течение которых подлодка шла малым ходом на глубине 45-50 м, прижимаясь к грунту. После этого выход в Балтику был открыт. За боевой поход экипаж атаковал и потопил 5 немецких транспортов общим водоизмещением 40 тыс. т.

При возвращении на базу, 6 августа, в Нарвском заливе подлодка попала в засаду и была атакована сторожевым кораблём и катерами противника. Глубинная бомба разорвалась поблизости от правого борта. С нарастающим дифферентом на нос «Щ406» начала уходить на глубину и упала на дно. Константину Максимова удалось оторвать подлодку от грунта и выйти на большие глубины. Лодка ушла от преследования и 9 августа благополучно вернулась в Кронштадт. В море экипаж пробыл 36 суток.

За успешные боевые действия ПЛ «Щ-406» 23 октября 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была награждена орденом Красного Знамени. Командир лодки капитан 3-го ранга Евгений Осипов был удостоен звания Героя СССР, а инженер механик Константин Максимов награждён орденом Ленина.

В кампанию 1943 г. подлодка была направлена в числе первых 3 лодок на разведку противолодочных рубежей противника в Финском заливе. В ночь на 29 мая 1943 г. «Щ-406» ушла в поход, оказавшийся последним. С 1 июня она перестала отвечать по радиосвязи. Долгое время экипаж считался пропавшим без вести. В 2017 г. подлодка была обнаружена поисковой экспедицией в районе острова Большой Тюттерс в Финском заливе. Причиной гибели считается подрыв на немецком минном заграждении.

25 мая 1943 г. перед походом Константин Максимов написал последнее в своей жизни письмо жене Серафиме Фёдоровне, находившейся в эвакуации в Алтайском крае, в городе Бийске. В пожелтевшем треугольнике стихи Константина Симонова «Жди меня» и надежды на встречу: «Как красиво и метко сказано „ ожиданием своим ты спасёшь меня“. Хотя тебе и долго придётся ждать, но ты всё же жди, Симулька!».

- **Письма Константина Матвеевича Максимова к жене Серафиме Фёдоровне Максимовой.**

20 марта 1942 г.

<https://www.prlib.ru/item/1287311>

«Ты в мильон раз права, сказав: „Как тяжело расставаться!“» Так тяжело, так тяжело, что даже трудно описать. <...> Ведь мы с тобой расстались не в лучших условиях (хотя и те расставания мы с тобой переносили болезненно – бессилён я познать ту волшебную силу, которая нас связала и продолжает связывать наши горячие, почти одинаково бьющиеся сердца), а в условиях осаждённого города немецкими оккупантами, в условиях жестокой, ожесточённой борьбы с врагами всего прогрессивного человечества!

Быть участником жестокой борьбы, значит, необходимо свою жизнь подвергнуть смертельной опасности, но мы не будем сейчас говорить о смерти, а будем говорить о борьбе, о мести, которая для воинов сейчас является самой благородной задачей!

Я буду мстить немецким оккупантам за тебя, за своих детей... и в этой благородной задаче – мести за ваши страдания – я постараюсь выйти не только победителем, но живым победителем!»

- **Ленинград, 13 апреля 1942.**

<https://www.prlib.ru/item/1285773>

«Симулька! Это письмо будет полно моими огорчениями и сожалениями. Удивительно долго не пишешь письма, жду с 4 апреля с. г. и никак не могу дожждаться. Изю дня на день откладываю получение писем и всё нет и нет! <...> Ну что ж, я сильно об этом сожалею и мне становится страшно больно, когда я долго не ощущаю твоей письменной близости. <...> Резкостей не позволю писать в этом письме, наберусь силой и волей и постараюсь дожждаться твоего письма. Нет письма, ну что же боле, я сожалею моей доле и предаюсь своей судьбе! Да! Судьба! Ты скажешь суеверие! Пускай! Я не нахожу слов, как выразить этот психический момент людей, в том числе и мой – это воевать во славу своей родины и остаться в живых. Назовем это Судьбой. Но поверь, Симулька, если так совершится и судьба по отношению меня будет щедрой, то при любых препятствиях и любых обстоятельствах я приложу все силы, чтобы встретиться с тобой и детьми, увидеть любые изменения в твоей жизни и моих (а также твоих) детей».

- **Ленинград, 4 мая 1942.**

<https://www.prlib.ru/item/1285944>

«Когда я посмотрю на всё окружающее, то милее тебя не вижу, пускай это не вскружит тебе голову, и ты не посмей играть на моих чувствах – но это в действительности так. Но ты должна понять, что прожить такую школу жизни, это серьёзное испытание и проверка качеств людей. Мне кажется, этот экзамен мы с тобой выдержали на „отлично“. Не правда ли?

Симулька, если всё по-хорошему и я останусь в живых, то я на будущее наметил оригинальный план нашей совместной жизни и мы его выполним обязательно. Об этом немного позже опишу подробно, это не хвастовство и вполне реально.

Пиши письма чаще, меня это радует... живу последними письмами...»

- **Ленинград, 12 декабря 1942.**

<https://www.prlib.ru/item/1285745>

«Симулька! Ты сделала много для нашего будущего счастья, постарайся сделать ещё, может быть, половину того, что ты сделала и мы тогда сможем восторжествовать. Ведь настанет же час, когда мы с тобой должны встретиться. Не правда ли! Я даже хотел бы с тобой встретиться в войну. Дни-деньские сижу и мечтаю, как бы попасть к тебе, в далекий Бийск. Надо мной висит карта с обозначением города Бийска и смущает она меня до невероятности. Если были бы крылья, так взял бы и полетел к тебе.

<...>

Как хотелось бы повидать дочурку Леру, о которой ты пишешь как о умнице. Неужели война и её, ещё маленькую – сделала взрослой. Да! Война? Война – это ужас, слёзы, горе, страдания. Война – это сплошное страдание и горе».

- **25 мая 1943 г.**

<https://www.prlib.ru/item/1287349>

(В пожелтевшем треугольнике стихи Константина Симонова «Жди меня» и надежды на встречу):

Жди меня, и я вернусь.

Только очень жди,

Жди, когда наводят грусть

Желтые дожди,

Жди, когда снега метут,

Жди, когда жара,

Жди, когда других не ждут,

Позабыв вчера.

Жди, когда из дальних мест

Писем не придет,

Жди, когда уж надоест

Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,

Не желай добра

Всем, кто знает наизусть,

Что забыть пора.

Пусть поверят сын и мать

В то, что нет меня,

Пусть друзья устанут ждать,

Сядут у огня,

Выпьют горькое вино

*На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.*

*Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: – Повезло.*

*Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.*

«Как красиво и метко сказано „ожиданием своим ты спасёшь меня“. Хотя тебе и долго придется ждать, но ты все же жди, Симулька! Слова в этом стихе прими как мои, я ужасно доволен им, высказано всё, что думаю я».

ГАРПФ

<https://www.prlib.ru/section/1298868>

Большая часть писем из семейного архива жительницы блокадного Ленинграда Ванды Иосифовны Гарпф (Ицхакиной) (1925 г. р.) написана её матерью, Аделью Михайловной Гарпф. Остальные – отцом, Иосифом Лукичом Гарпф и братом Станиславом. Все письма адресованы одному человеку – второму брату Ванды Гарпф Михаилу. Незадолго до войны он уехал в составе джазового оркестра на гастроли и тем самым избежал блокады Ленинграда.

Семья, оставшаяся в городе, главным образом, мама, писали ему практически ежедневно. Рассказывали о семейных новостях, о том, как живут, работают и чем питаются. На многих письмах видны следы военной цензуры: закрашены или вырезаны абзацы или целые страницы. Пережившая тяжёлые испытания, потерявшая отца семья была эвакуирована из Ленинграда летом 1942 г. и воссоединилась с братом Михаилом.

• Письма Адели Михайловны Гарпф из Ленинграда сыну Михаилу Иосифовичу Гарпф.

4 июля 1941 г.

<https://www.prlib.ru/item/1292916>

«Дорогой Мика! Твою открыточку от 29 с. м. получили вчера, и письмо тоже. Мужайся, держи себя в руках, живи одной надеждой, что в недалёком будущем разгромим фашистов, иначе не стоит жить. Это чувство окрыляет, придаёт сил и успокаивает. Весь народ сейчас в повышенном настроении».

26 июля 1941 г.

<https://www.prlib.ru/item/1292854>

«Дорогой мой Микушка! Третьего дня получила 200 рублей от тебя, за что очень благодарим. <...> Мы с жадностью читаем всё, что пишут про Москву, и болеем душой за всех москвичей. Молодцы, что так хорошо справляются с тушением пожаров. Но всё это, конечно, действует на нервы. Как ты себя чувствуешь? Уедешь ли, и когда, дальше за Урал? Нам очень грустно будет сознание, что ты так далеко от нас».

23 ноября 1941 г.

<https://www.prlib.ru/item/1292767>

«Все надеемся, что блокада скоро будет прорвана, немцы выдохнутся, и мы вздохнем свободнее. Мы начинаем уже приноравливаться к граммным нормам хлеба, крупы, мяса. Я аккуратно делю продукты на 10 дней. Варю суп на 2 дня – больше этого мы ничего не едим. Каждый получает 4 поварешки супу и баста. Дети едят только вечером, когда возвращаются домой, там, на службе, они ничего не едят. Чай пьют со своим кусочком хлеба. Мы все получаем 625 г хлеба в день. <...> Стасик был сегодня в бане. Говорит, что все очень худые, как высохшие. Но всё это ничего, лишь бы пережить и дожить до разгрома Гитлера... <...> Мы, действительно, в незавидном положении. Скоро, скоро воскреснем, лишь бы не падать духом. Папочка сейчас не жалуется больше так сильно, как первое время – обтерпелся».

3 апреля 1942 г.

<https://www.prlib.ru/item/1292885>

«Дорогой мой Микушка! Вчера опять получил письмо от тебя от 10 января, когда ты ещё не знал о кончине папы. Оно очень мило, сердечное, душевное – спасибо! Буквально на днях ждали улучшения. Да, мой дорогой, мы все ждали, как папа выразился: „лавинной после 1-го польются продукты“. И что же? Январь оказался самым страшным, самым тяжёлым месяцем. Я счастлива была, что папа не испытывал больше мучений...

Микуша, пока не высылай денег, они же тебе нужнее, а вот что придумай. Не можешь ли каким-либо путём через надёжного москвича прислать нам посылку – немного масла, сахару, муки, крупы. Из этих продуктов – это для нас самые дорогие. Мы были бы бесконечно счастливы.

<...> Не говори глупостей – незачем тебе костюм продавать и саксофон попридержи. Ты ведь артист, тебе нужно быть одетым и хорошо одетым. А что тут купить на деньги? Масло стоит из-под полы 1800–2500 рублей кило. Хлеб колеблется – 30–50 рублей 100 грамм... Мы раз купили масло за 400 рублей за 250 граммов. Острая потребность была. Больше ни на что ни разу так не тратили – не в состоянии, да оно и безумие».

31 мая/1 июня 1942 г.

<https://www.prlib.ru/item/1292911>

«Дорогой мой Микушка! Сейчас без 5 минут 10 вечера. Поужинали пшённой кашей и выпили соевого молока – это последнее сейчас в большой моде. Ванда, хотя его сама приносит, но его не пьёт. Ванда уже в постели, Стас крутит папиросы. Из окна виден шпиль Петропавловской крепости, весь розовый, освещённый вечерним закатом солнца. Твоё письмо всё ещё не опущено, нет как-то сил дойти до почты. Раздаются отдалённые залпы орудий, верно, выкорчёвывают фашистов. Хоть бы скорей они убрались восвояси».

Эвакуация и возвращение в Ленинград

Галина Михайловна Соловьёва (Сирота): [«Жили-выживали»](#).

<https://www.prlib.ru/section/1180705>

В августе 1941 г. 9-летняя Галя, только окончившая второй класс средней школы, была эвакуирована из Ленинграда вместе с бабушкой в село Зубрилово Пензенской области. В Ленинграде осталась мама Евдокия Александровна Брагинская, эвакуированная весной 1942 г. В эвакуации она работала в военном госпитале. К концу войны госпиталь был переведён в Днепрпетровск, и семья переехала вместе с ним. После войны, в конце лета 1945 г., они вернулись в Ленинград.

Об эвакуации в 1941 г.:

«Бомбить нас начали через полчаса после отъезда. Первая бомба разорвалась, не долетев до эшелона. Поднялся страшный крик и плач. Бабушка стала пихать меня под лавку и закрывать чужими чемоданами, но я вырвалась и побежала вслед за всеми – в кювет. Помню запах влажной земли и пыльной травы, в которую я вцепилась, уткнувшись в неё лицом. Дальнейшее я плохо помню. Я спала всё время, пока мы ехали, отходя от смертельного испуга».

«От мамы редко приходили письма и шли они к нам очень долго. Мама коротко сообщала нам, что работает на оборонных работах, роет окопы и всё обещала: „Я к вам приеду“. <...> В начале апреля вечером в окно избы постучали. „Принимайте гостей!“ – закричал хриплый мужской голос. Мы все разом выскочили во двор. У калитки стояла телега, а в ней кто-то сидел. И этот кто-то никак не мог подняться на ноги. „Дуся!“ – не своим голосом закричала бабушка и кинулась к телеге. <...> Мы привели маму домой. Она сидела на лавке и молчала. Молчали и мы. Я не подбежала к ней и не обняла её. Я онемела. Эта женщина не

была моей мамой. Перед нами сидела старуха. Её зеленоватое лицо было худым и страшным, а руки висели как плети. Глаза она закрыла. И вдруг четко и зло сказала: „Дайте есть“».

О возвращении в Ленинград в 1945 г.:

«Дорога была тяжёлой. Ехали медленно, с большими остановками, пережидая воинские эшелоны с демобилизованными солдатами. Из эшелонов доносились звуки гармошки и разудалые песни. Солдаты ехали домой. <...> И вот мы дома! Утренний город встречал нас хорошей погодой и привычными звуками: шарканьем мётел дворников по тротуарам, шагами спешащих на работу прохожих, звонками трамваев.

От Московского вокзала до нашего дома идти недалеко и мы почти бежим. Иногда мама останавливается возле развалин разбомблённого дома и горестно качает головой. Это потом уже ленинградцы, вместе с нами, школьниками, разберут завалы и на месте разбитых домов рассадят скверы.

В коммунальной кухне нас встречает наш сосед, пьяненький дядя Коля. Я в восторге кричу „Здравствуйте!“. Он застывает на месте, а потом хватает меня в охапку. Я вырываюсь от него и бегу в нашу комнату. Здесь всё на своих местах, всё так знакомо и дорого. Мама разбирает наши вещи, а я роюсь в шкафу, выдвигаю ящики комода. Комод почти пуст, но в самом нижнем ящике я нахожу случайно недочитанную перед отъездом книгу „Хижина дяди Тома“ и прижимаю её к груди как старого друга».

- **Фёдорова Надежда Васильевна (1927 г. р.). Дневник**

Об эвакуации по Ладожскому озеру (в начале мая 1942 г.)

«Машины вереницей ехали по озеру. А на дворе май. Вода доходила не только до колёс грузовиков, но и доходила до бортов машин. Машины двигались медленно. Дорога была указана флажками. Военные стояли у каждого поворота. И казалось, что дорога, как зигзагообразная полоса, колесит по озеру. А рядом чернели полыньи. То ли они были от бомбежек, то ли они были от весны. Бомбежки не прекращались. Страх леденит наши детские сердца. А взрослые, худые, бледные, измученными глазами глядели на эту воду, на скользкий подтаивающий лед под колёсами грузовиков. Впереди машина ушла под лед. Суматоха, крики, грохот от бомбёжки. Военные сворачивали машины то вправо, то влево. Хорошо, что машины шли на больших расстояниях, иначе мы бы не добрались до берега.

Страх уже пронизывал всех и казалось, что это никогда не кончится, и мы все обезумеем. Тогда Зоя Георгиевна взяла брезентовую накидку и накрыла машину и всех нас. Выскочить мы все равно бы не успели, если бы машина ушла под лёд. А когда не видишь, то это спокойнее. <...> Трудно понять плывешь ты или едешь на машине. Что-то трещало, голоса становились надрывными. Машина наша кряхтела, казалось, вот-вот опрокинется на бок или уткнётся в полынью кабиной. Но бог милостив к нам, и мы переехали Ладожское озеро».

Прорыв и снятие блокады Ленинграда (18 января 1943 г., 27 января 1944 г.)

Прорыв блокады Ленинграда

- **Фёдор Григорьевич Ешугов. Дневник.**

<https://www.prlib.ru/item/1293797>

18 января 1943 г.:

«По случаю прорыва блокады в Ленинграде праздничное настроение, на фабриках, заводах, в учреждениях проходят митинги. Всю ночь радио извещало мир о радостном известии – прорыве блокады. Особенно радостно это нам, ленинградцам, пережившим суровые месяцы блокады».

- **Дада Михайлович Тайд. Дневник.**

18 января 1943 г.:

«В 22:45 сообщение Совинформбюро о прорыве блокады г. Ленинграда. Взяты Шлиссельбург и Синявино. Я возбуждён, слишком велика радость для ленинградцев. После 7-дневных боёв войска Волховского и Ленинградского фронтов – соединились».

19 января 1943 г.:

«Всюду радость и оживление. На улице, в трамвае – везде. На лицах радостное возбуждение. По радио – непрерывно музыка, стихи, рассказы эпизодов боёв. Город – разукрашен красными флагами. <...> От волнения не могли уснуть всю ночь. <...> У меня вместе с радостью какая-то тревога – не сделали бы немцы какую-нибудь гадость».

- **Елизавета Алексеевна Доброва (1930 г. р.) Воспоминания о моей блокаде.**

«12 января 1943 года с утра раздался грохот боя по всему периметру города. Выйдя на улицу, мы увидели на ещё тёмном небе сполохи огней. Было понятно,

что на фронте идёт непрерывный бой! Грохот продолжался несколько дней! И вот 18 января канонада затихла. Было прорвано кольцо блокады!!! Люди плакали от радости и говорили: „Ну, теперь мы выживем! Слава Богу!“. После прорыва блокады нам увеличили нормы выдачи продуктов и стали выдавать мыло, специи и другие товары по дополнительным талонам. <...> Стало легче жить. Хотя артобстрелы и авианалёты продолжались, но мы уже свыклись с жизнью фронтового города и свободно бегали от школы до дома, даже когда снаряды свистели над головой. По звуку взрыва мы знали, куда падают снаряды, и как таблицу умножения, выучили: если слышишь свист снаряда, значит это не твой снаряд!»

- **Лев Николаевич Чистов (1925 г. р.). Письмо родителям и сестре.**

20 января 1943 г.:

«Только что узнал из газеты, что блокада Ленинграда частями нашей Красной армии прорвана, что частями Ленинградского фронта начато наступление... Я думаю и надеюсь, что вам теперь будет во много раз лучше, чем было до этого».

- **Тамара Александровна Петрова. Воспоминания о блокадном Ленинграде.**

«Итак, 1943 год. Мы, дети, следили по радио за сводками с фронта и когда в январе объявили о прорыве блокады, нашу радость тогда трудно было передать словами. Как будто и сил у нас прибавилось. Но наши дела заключались в хорошей учёбе и помощи в госпитале. Я научилась сворачивать бинты после стирки. Потом их отправляли на дезинфекцию. Прошло лето и снова холода. Но, несмотря на обстрелы и голод, что-то изменилось в нас. Появилась вера в победу, потому что наша армия начала наступать».

- **Жизнь в оккупации и в первые послевоенные годы: Пушкин. Гатчина. Эстония : дневник Люси Хордикайнен (1928 г. р.)**

<https://www.prlib.ru/item/332433>

О жизни в оккупированном г. Пушкине

30 апреля 1943 г.:

«Я нахожусь в страшно плачевном состоянии. В городе вывешен приказ об осмотре всех лиц с 14-27-летнего возраста, и все, признанные годными, отправляются на работу. Куда? Неизвестно. Одни говорят — в Псков, другие — в Германию, на лесозаготовки, и в общем никто не знает. Я стараюсь не думать обо

всем этом, но, как только вспомнишь, сердце уходит в пятки. Что там будет? Зося говорит, что разлука будет тяжелая, меня же тревожит мысль о еде, спанье, да и обо всем. Мне ничего не хочется делать, даже читать. Сейчас мы все заражены Тютчевым. У него оказалась масса замечательных и очень философских стихов... Зося говорит, что они заменяют ей книги, служат молитвой. Я думаю совершенно серьезно, что лучше было бы умереть, чем ехать куда-то, жить где-то, есть — не знаю что. «Жизнь, как подстреленная птица, подняться хочет и не может», — слова, которые звучат неотступно у меня в ушах».

Полное освобождение Ленинграда от блокады

- **Ольга Владимировна Доронина (1925 г. р.). Дневник 1941—1944 гг.**
<https://www.prlib.ru/item/1289013>

20 января 1944 г.:

«Сегодня сдала кровь, вступила в ряды воинов, т. к. нужно очень много крови для раненых бойцов и командиров сейчас на Ленинградском фронте, когда пошли в наступление и берут город за городом. Вчера был культпоход в кино на кинофильм „Жди меня“. Какая вещь! Я так переживала, плакала, и после кино сообщили радостную весть о взятии Красного Села и ст. Ропши. И я, придя в комнату, не могла успокоиться, слезы душили меня. <...> От Васи получила, пишет, что идёт в боевую операцию. Ну и денёчки. Кажется, приходит момент радоваться, что освобождают нас, ленинградцев. Какое дело, сколько перенесли мучений, страданий за это время».

27 января 1944 г.:

«Сегодня для нас самый радостный день. Блокада Ленинграда снята. Салют города доказал всю красоту и мощь этого великого города. Ленинградцы переживают радостные дни, когда не страшны раскаты орудий, от которых сегодня гремит Ленинград, салютуют воинов Ленинградского фронта».

- **Зинаида Антоновна Рыжкова (1905 г. р.). Дневник 1944 г.**
<https://www.prlib.ru/item/331411>

22 января 1944 г.:

«15 числа утром раздалась канонада. Сначала мы думали, что это зенитки, так как виден был огонь в южном направлении, а потом поняли, что это наши войска двинулись на прорыв под Ленинградом. В мастерской собрались женщины — жёны фронтовиков. Сердце замирало от чувства чего-то особенного, большого и

волнующего, совершавшегося в эти минуты. Мы были с нашими защитниками всем сердцем. Потом день шёл обычным чередом, а вечером целый фейерверк в юго-западном направлении. Это наши брали Петергоф и проч.».

27 января 1944 г.:

«Салют в честь снятия блокады с Ленинграда. Наблюдали его с берега Невы. Зрелище незабываемое и для нас, ленинградцев, глубоко волнующее. Отклики из-за границы также приятны. Нас как-никак ценят».

• **Елизавета Алексеевна Доброва (1930 г. р.). «Воспоминания о моей блокаде»**

27 января 1944 г.:

«Все, кто был там в это время, ликовали: ликовали, обнимались, целовались, кричали „ УРА!“, плакали от счастья, и одновременно от горя – ведь столько потерь. Столько переживаний! Это незабываемо!»

• **Зинаида Аркадьевна Федюшина (Иткина): «Моя блокада: пусть мои воспоминания будут благодарной памятью»**

<https://www.prlib.ru/item/1352979>

«27 января 1944 года во вторую половину дня из сообщения по радио мы с бабушкой узнали, что с Ленинграда снята блокада. Скоро ко мне прибежали Лера Румянцева и Галя Прокофьева. Мы вместе с бабушкой вышли на улицу. Владимирский проспект был весь заполнен людьми. Раздавались залпы артиллерийских орудий – салют. И в тёмном Ленинградском небе рассыпались разноцветные огоньки фейерверка. Они освещали людей, на лицах которых были улыбки счастья и слёзы. На следующий день Юлия Фёдоровна задала нам дома написать сочинение на тему „ Снятие блокады с Ленинграда“. Это сочинение я сохранила до сего дня».

• **Сочинение ученицы 4 класса школы № 218 Куйбышевского района г. Ленинграда Зинаиды Иткиной на тему «Снятие блокады». – Ленинград, 1944.**

<https://www.prlib.ru/item/1278074>

«Я подбежала к бабушке, посадила её за стол, взяла кусок бумаги, нарисовала Ленинград, изображённый точкой, потом нарисовала круг, этим я изобразила кольцо немцев. <...> Затем взяла зачеркнула кольцо и оставила только „город“ и сказала: „Вот и всё, блокады больше нет!“». Бабушка заплакала от радости, она вспомнила своих двух сыновей, которые погибли на фронте. У меня подступили

слезы, я вспомнила папу, который ради нас, ленинградских детей, и ради сегодняшнего счастья погиб смертью храбрых и заслонил, наверно, своим танком подход к городу».

- **Фёдор Григорьевич Ешугов. Дневник.**

19 января 1944 г.:

«Радостное известие о прорыве нашими войсками укрепленной полосы фашистских войск под Ленинградом и освобождении: Красного Села, Дудергофа, Петергофа, Ропши, встречено всеми ленинградцами с большой радостью и энтузиазмом. Пришел день радости, которого мы ждали больше двух лет. Неопишуемая радость для нас, ленинградцев, понятна только нам, жившим так долго под обстрелом фашистских мерзавцев».

27 января 1944 г.:

«Сегодня по случаю одержанной победы войсками Ленинградского фронта был дан салют из 324 орудий 24 залпами. Во время салюта все жители вышли на улицы полюбоваться зрелищем и выразить свою радость. Отныне ни один фашистский снаряд не разорвется на прекрасных улицах и площадях красавца города, города героя. Эти залпы слышали не только мы, ленинградцы, но и вся страна».

- **Елизавета Алексеевна Доброва (1930 г. р.). «Воспоминания о моей блокаде»**

«Все каникулы мне некогда было скучать, поэтому они для меня показались очень короткими. Занятия начались с 10-го января. И всё было нормально, обычная школьная жизнь шла „по накатанной дорожке“ но уже через неделю Ленинград стал просыпаться, жить и ложиться спать под звуки ровной, беспрестанной канонады.

Сначала мы терялись в догадках, задавая вопрос: что это за беспрестанный гул? Потом, особенно в тёмное время суток, было видно зарево вспышек и слышно: идёт бой, жестокий, упорный и долгий – это заговорил фронт по всей границе города. По радио к концу недели стали называть освобождённые от немцев населённые пункты и пригороды. Мы все: старики, дети и взрослые, ждали, очень ждали снятия блокады... И вот 27 января 1944 года это свершилось!!! <...> И это было СЧАСТЬЕ!!! 27 января 1944 года, в 20 часов, у моста им. Кирова, там, где памятник А. Суворову, в большой толпе ленинградцев, я видела первый салют Ленинградской Победы! <...> Конечно, тот салют не был таким пышным, как сейчас, но это был наш салют в честь нашей Победы! В честь НАШЕГО

ОСВОБОЖДЕНИЯ! Все, кто был там в то время, ликовали: обнимались, целовались, кричали „УРА!“, плакали от счастья и одновременно от горя – ведь столько потерь. Столько переживаний! Это незабываемо!..»

• **Тамара Александровна Петрова. Воспоминания о блокадном Ленинграде.**

«И вот январь 1944 года. Мы орали, смеялись, прыгали, обнимались. Откуда брались силы? И самое главное – мы твёрдо знали, что победа не за горами. Вечером город содрогнулся от гула летящих снарядов, от мощного грохота орудий. Это тысячи снарядов рвались за пределами нашего города. Это войска Ленинградского фронта вместе с кораблями Балтфлота погнало прочь непрошенных „гостей“. Наступил долгожданный час расплаты за страдания, за кровь и слёзы, за смерть родных и близких, за разрушенный город».

День Победы

• **Зинаида Аркадьевна Федюшина (Иткина): «Моя блокада: пусть мои воспоминания будут благодарной памятью»**

<https://www.prlib.ru/item/1352979>

«9 мая 1945 года по радио голос Левитана известил, что война закончилась. 9 мая днём к нам пришли жёны маминых братьев. Они сидели на нашем чёрном кожаном диване и плакали. Мама прибежала с работы радостная – кончилась война! Она не знала, что погиб её младший брат. В тот день маму пожалели и не сказали ей ничего, ведь совсем недавно умерла бабушка. По радио звучали весёлые военные песни и марши. А у нас на диване сидели четыре вдовы, одна из которых через неделю родила третьего ребёнка».

• **Юлия Александровна Хордикайнен: «Жизнь в оккупации и в первые послевоенные годы: Пушкин. Гатчина. Эстония: дневник».**

9 мая 1945 г.:

«Среда. МИР. Мы сидели и занимались, когда пришла бабушка Дуня и стала поздравлять нас с Миром. Это что-то неестественное, необычное – МИР. Мы оделись и пошли погулять. На площадях было так много народа. Сегодня и погода мирная, довоенная».

• **Фёдор Григорьевич Ешугов. Дневник.**

9 мая 1945 г.:

«Сегодня как по заказу хорошая чудная погода, солнце и тепло. Как только радио сообщило весть о капитуляции Германии в 5 часов утра, всё население Пскова вышло на улицы, да разве можно спать в такое время. Почти четыре года наш народ вёл титаническую борьбу с фашистской Германией, и вот наступил радостный день, день торжества и побед нашего народа».

- **Лидия Васильевна Жукова (Хваловская) (1922 г. р.) Дневник. 1938–1945.**
<https://www.prlib.ru/item/1293051>

Весна 1945 г.:

«Все с нетерпением ждали окончания войны. Салюты за освобождение города всё чаще. Ночью просыпаюсь – Левитан в 3 ч. ночи объявляет о капитуляции. Бужу маму, соседей. Радость, счастье не передать словами».

- **Ирина Борисовна Харитонова (1929 г. р.): «Мои воспоминания»**

«И вот, наконец, ночью 9 мая по радио самый известный диктор страны Левитан торжественным голосом сообщил об окончании войны. Что творилось в нашем бараке! Из всех комнат люди высыпали в коридор. Все обнимались, целовались. На всю жизнь я запомнила, как пронзительным тонким голосом кричала соседка тетя Домаша, будя своего сына: „Лень-кя-я-я, вставай, война кончилась!“».

- **Елизавета Алексеевна Доброва (1930 г.р.): «Воспоминания о моей блокаде»**

«9 мая 1945 года!!! Пришла долгожданная ПОБЕДА!!! Этот день я помню всю дальнейшую жизнь! День был яркий, солнечный! Мы пришли, и нам объявили о Победе. Взрыв радости и крика восторга не описать! Конечно, мы не учились в этот день. Праздник Победы состоялся вечером, на площади Пролетарской Диктатуры: гремели духовые оркестры, на двух рядом стоящих «Студебеккерах» откинули борта машин и соорудили сцену, на которой артисты всех видов эстрадного искусства показали своё мастерство. А потом начались танцы и пляски. Народ ликовал! <...> Я в этот вечер протанцевала туфельку до изрядной дыры».

- **Тамара Александровна Петрова (1933 г. р.) Воспоминания о блокадном Ленинграде.**

«И вот день Победы. Было такое чувство, что все родные. Смех, слёзы... Это очень хорошо, достоверно показано в фильме „Летят журавли“. Так и было. Нас отпустили гулять без воспитателей. Мы веселились как умели. А вскоре родные стали забирать детей по домам. Вернулась с фронта и моя мама. Когда я увидела

её в зеленом ватнике, в высоких сапогах, первое, что я сказала: „ Как ты плохо одета“. В моей памяти она сохранила образ женщины в красивом крепдешиновом платье и лаковых сандалетах, модных перед войной».